

Къ біографіи Л. А. Мея.

Левъ Александровичъ и Софья Григорьевна Мей, ихъ родные
и знакомые.

(Семейная хроника)¹⁾.

Глава VIII.

Борисъ Семеновичъ Озеровъ и сельцо Бурцово.

Бурцово, такъ называлось имѣніе, куда пріѣхалъ Л. Ал., принадлежало весьма уважаемому сенатору Озерову. Его единственный сынъ—Борисъ Семеновичъ, былъ уже въ высшихъ классахъ Училища Правовѣдѣнія, когда умеръ отецъ, оставивъ ему миллионное состояніе. Матери у него давно уже не было. Борисъ Семеновичъ, не окончивъ курса, вышелъ изъ Правовѣдѣнія, пріѣхалъ въ Москву и началъ проживать отцовское состояніе. Онъ былъ товарищемъ по училищу молодымъ Полянскимъ, и большой пріятель Л. Ал. Озеровъ только что женился на какой-то француженкѣ. Тотчасъ послѣ свадьбы она уѣхала въ Парижъ за своими родителями, а Бор. Сем., еще въ первый разъ послѣ смерти отца, рѣшился уѣхать въ деревню, чтобы поправить свое уже распатанное состояніе, а такъ же и здоровье. Это былъ высокій, тонкій, блѣлокурый, съ большими, свѣтлыми глазами, двадцати-трехъ, или четырехъ лѣтній молодой человекъ.

Озеровъ уговорилъ Полянскихъ, съ которыми былъ очень коротко знакомъ, провести лѣто въ Бурцовѣ. Онъ предложилъ имъ половину

¹⁾ См. „Русская Старина“ апрѣль 1911 г.

своего обширнаго дома: самъ занялъ нижній этажъ, а верхній и мезонинъ уступилъ Полянскимъ. Въ это время у Григорія Михайловича была очень большая семья. Кромѣ своихъ дѣтей, у него жила родная племянница Анны Ивановны, дочь Пелагеи Ивановны — Екатерина Ивановна Есаулова, рано осиротѣвшая; тетка взяла ее къ себѣ и воспитывала со своими дочерями. Иванъ Григорьевичъ съ красавицей-женой тоже пріѣхалъ въ Бурцово.

Скоро возвратилась и жена Озерова, Марія-Антуаннета. Она привезла съ собой роскошное приданое, сдѣланное въ Парижѣ, Папа-Мама Буръ, мадамъ—Люсь (друга своего дѣтства) и двѣнадцати-лѣтнюю сестру—Нишонъ, очень хорошенькую дѣвочку, уже тогда подававшую надежды сдѣлать со временемъ тоже блистательную партію.

Въ Бурцовѣ Льву Ал. было весело. Онъ любилъ природу, лѣсъ и вообще деревню. Окруженный своей семьей и друзьями юныхъ лѣтъ, онъ пользовался полною свободой и беззаботной, роскошной жизнью прежнихъ богатыхъ помѣщиковъ.

Большой двухъ-этажный домъ, окруженный цвѣтниками и огромнымъ паркомъ, терявшимся въ лѣсу; обширный дворъ съ надворными строеніями; большая дворня; отличный поваръ; множество собакъ, лошадей и всевозможныхъ экипажей.

Оба семейства жили отдѣльнымъ хозяйствомъ, съ собственной прислугой, совершенно различными нравами и образомъ жизни. Но они каждый день видались и всѣ удовольствія были общія.

Смоленская губ. вся покрыта лѣсами, грибовъ бездна. Иногда, все общество, въ сопровожденіи двухъ великолѣпныхъ водолазовъ: Гундорки и Сарки, дворовыхъ дѣвушекъ и подводы съ корзинами, отправлялись за грибами. Въ лѣсу перекликивались, аукались, пѣли. На привалкахъ угощались, и черезъ нѣсколько часовъ возвращались съ полнымъ возомъ грибовъ. Шутили, смѣялись, хвастались кто что нашель. Одинъ разъ Л. Ал. принесъ огромную корзину грибовъ, онъ насилу дотащилъ ее и торжественно поставилъ передъ обществомъ. Но какъ онъ былъ смущенъ и огорченъ, когда вмѣсто предполагаемыхъ груздей оказались горькія скрипицы, которыхъ не ѣдятъ.

По праздникамъ, на широкій барскій дворъ собирались крестьянскія дѣвушки и парни водить хороводы. Когда сняли хлѣбъ съ поля, нѣсколько красивыхъ дѣвушекъ, въ нарядныхъ сарафанахъ, съ разноцвѣтными лентами въ длинныхъ косахъ, со снопомъ на плечѣ у каждой, въ сопровожденіи всего хоровода, съ низкимъ поклономъ, опустили ихъ передъ господами. Хозяинъ и его гости роздали дѣвушкамъ мелкую монету. А пока онѣ пѣли, плясали, водили хороводы, ихъ угощали: пряниками, орѣхами, изюмомъ,

леденцами. Подносили брагу и медъ. Расходившійся народъ веселился до глубокой ночи, и долго еще, до самой зори, доносились изъ деревни отдаленные звуки пѣсенъ.

У Озерова было еще маленькое имѣніе, возлѣ самага Бородина. Льву Алек. удалось быть на Бородинскомъ полѣ, гдѣ былъ раненъ его отецъ, и на рѣкѣ Колочѣ, гдѣ тоже дрались съ французами. Настоятель Колоцкого монастыря былъ въ дружескихъ отношеніяхъ съ обитателями Бурцова и пріѣзжалъ иногда къ нимъ въ гости, на стерляжью уху, куда для вкуса вливалась бутылка шампанскаго. Настоятель привозилъ съ собой нѣсколько молодыхъ, рясофорныхъ монаховъ и послушниковъ. Л. Ал. поддразнивалъ одну изъ своихъ родственницъ, и потихоньку, отъ имени инока, писалъ ей посланія въ стихахъ, поддѣльнымъ почеркомъ, въ семинарскомъ духѣ. Свернутыя въ видѣ письма и запечатанныя сургучемъ, они таинственно передавались кому слѣдуетъ, и посланный исчезалъ, не дожидаясь разспросовъ. Сохранилось два изъ этихъ шуточныхъ посланій: одно отъ вымышленнаго героя, а другое—отъ его друга.

1.

„Хоть дѣлятъ горы насъ и рѣки,
Я не томлюся, не крушусь,
Но нынѣ, присно и во вѣки,
Тебѣ о, Ангель мой, молюсь.

Не мни же ты, что страстью плоцкой
Я уязвленъ, мой духъ плѣня;
Нѣтъ: Богоматери-Колоцкой
Ты, дѣва, выше для меня.

2.

A la Heine.

„Отъ волненья то блѣденъ, то красенъ,
Скрыть тревоги души не умѣя,
Іерей былъ вполнѣ эпостасенъ;
А она божество Іерея,
Улыбалась ему идеально
И молчала, и взглядъ свой покорный
Къ потолку возводила печально,
Иль въ землю глядѣла упорно.

Онъ уѣхалъ..... она съ нимъ прощалась!
 На дворѣ была темень и слякоть...
 Засмѣяться она попыталась,
 Но въ душѣ ей хотѣлося... плакать.

подписано Н. Растуновскій.

Озеровъ страстно любилъ лошадей. По срединѣ двора насажены были кустарники и мелкія деревья, обнесенныя кругомъ рѣшоткой. Каждый день, при закатѣ солнца, кучера выводили, одну за другой, его чистокровныхъ коней и гоняли ихъ на кордѣ, чтобы не застоялись. Но иногда Борисъ Семеновичъ самъ ихъ прокатывалъ. Въ красной шелковой рубашкѣ, въ черной бархатной поддевкѣ, въ высокой, ямщицкой шляпѣ, съ павлиньимъ перомъ, онъ ловко забиралъ возжи въ руки. Лошади били копытами, фыркали, рвались; нѣсколько кучеровъ и конюховъ едва могли ихъ удерживать. А когда ихъ пускали, и выѣзжали на столбовую дорогу, духъ захватывалъ отъ быстрой ѣзды. Но и Л. Ал. любилъ такую ѣзду не меньше Озерова. Изъ женщинъ только самыя смѣлыя рѣшались съ нимъ ѣздить.

У Озерова былъ прекрасный баритонъ, онъ пѣлъ цыганскія пѣсни съ такимъ *шикомъ*, что могъ быть запѣвалой въ любомъ цыганскомъ хорѣ. Конечно, эта наука обошлась ему не дешево. Но, несмотря на любовь къ цыганамъ, собакамъ, лошадямъ и наѣздничеству, даже не смотря на женитьбу на дочери французскаго сержанта, Озеровъ былъ совершенно порядочный человѣкъ. Въ немъ не было ни малѣйшаго ухарства или хвастовства. Онъ былъ сдержанъ, учтивъ, деликатенъ и очень добръ. Въ манерахъ его была полировка чловѣка хорошаго круга.

Въ тотъ годъ лѣто было продолжительное и очень хорошее, такъ что въ началѣ октября можно было пить чай на балконѣ, въ лѣтнихъ платьяхъ; а нѣкоторые даже купались. Наставала осень, но никто и не думалъ разѣзжаться. У Озерова былъ бильярдъ, что тоже составляло одну изъ любимыхъ забавъ Льва Алек. Гр. Мих. Полянскій привезъ въ Бурцово троицъ изъ своихъ музыкантовъ; вверху и внизу стояли хорошіе рояли; Михайлъ Григ. еще въ Правовѣдѣніи былъ однимъ изъ лучшихъ учениковъ Гензельта и пѣлъ басомъ. Пѣли, играли, принимали гостей, ѣздили по сосѣдямъ; французенки наряжались, болтали, кокетничали; Марія Антуаннета изображала русскую-боярню и очень любила Льва Алек.

Настали Святки, задумали устроить гадальный вечеръ. Шили костюмы, спѣвались, дѣлали репетиціи. Въ назначенный день, когда передъ гостями распахнулась дверь ярко освѣщенной залы, по

среди́й ея мѣрно и плавно двигался хороводъ, который подь аккомпаниментъ кларнета и флейты, стройно пѣлъ: „Вдоль по морю, морю синему, по синему, по Хвалынскому, плыла лебедь съ лебедятами, со малыми со утятами“. Въ кругу хоровода, одна изъ молодыхъ женщинъ, съ двумя дѣтьми, представляла лебедь. А когда запѣли: „Отколь возьмись младъ, ясѣнь соколъ, Левъ Ал. замѣнилъ лебедь, а вслѣдъ за нимъ въ кругъ вошла „Красна дѣвица душа“. Женщины были въ роскошныхъ сарафанахъ и кокошникахъ, а дѣвицы въ повязкахъ, съ распущеными косами; мужчины въ шелковыхъ рубашкахъ и поддевкахъ. Озеровъ, съ балалайкой въ рукахъ, былъ запѣвалой. По окончаніи этого маленькаго пантомимнаго представленія, совершенно удавшагося и вызвавшаго аплодисменты гостей, началось гаданье: всѣ женщины сѣли вокругъ стола, покрытаго бѣлою скатертью; а мужчины окружили ихъ стулья. По среди́й стояла чаша съ чистой водой; въ ней лежалъ уголекъ и горсточка песку, каждая положила въ воду колечко или сережку. Сперва пропѣли „Славу“, а потомъ начались подблюдныя пѣсни. Послѣ каждой изъ нихъ дѣвочка вынимала одно изъ колечекъ, значеніе пѣсни предсказывало будущее. А съ послѣднимъ кольцомъ горничная бѣгала куда-то подслушивать, что говорятъ, чтобы узнать судьбу владѣтельница колечка. Потомъ началась музыка: Мих. Гр. и Софья Григ. играли на роялѣ; а послѣ сытнаго, роскошнаго ужина, когда дѣтей отправили спать, гости смѣшались съ хозяевами, хоромъ пѣли и русскія, и цыганскія пѣсни, плясали и веселились всю ночь. Нѣкоторые изъ гостей уѣхали, но большая часть остались ночевать.

Когда на дворѣ шумѣла вьюга, по лѣсу разносились рѣзкіе крики филина и завывали волки; а въ домѣ было такъ свѣтло, тепло и уютно, становилось какъ-то еще веселѣй и оживленнѣй.

Только одного не любили Бурцовскіе жители—это охоты. Хотя у Озерова, на псарномъ дворѣ было до шестидесяти собакъ, разныхъ породъ, но никто кромѣ егерей не охотился. Правда, что какъ-то разъ, зимой, Борисъ Семен. съ гостями ѣздили на волковъ, съ поросенкомъ въ мѣшкѣ, но ни одного волка не убили, и злосчастный поросенокъ возвратился домой, въ томъ же мѣшкѣ, къ вящему удовольствію всего общества. Иногда, лѣтомъ, Папа-Мама-Буръ ходили на рѣчку удить рыбу, а Нишонъ нанизывала ихъ на нитку за жабры. Но на это всѣ возставали. Вообще, никакія жестокости не допускались у мирныхъ обитателей сельца Бурцова, помышлявшихъ только объ удовольствіяхъ. Левъ Ал. считалъ охоту величайшимъ варварствомъ и никогда не простилъ бы себѣ, если бъ убилъ, хотя одного воробья. Онъ тоже не любилъ птицъ въ клѣткахъ.

Живя уже въ Петербургѣ, каждую весну, въ Благовѣщеніе, Левъ Ал. покупалъ нѣсколько птицъ и выпускалъ ихъ на волю. Въ одной изъ Петербургскихъ квартиръ, въ его кабинетѣ стояло нѣсколько большихъ кадокъ съ ёлками, на которыхъ висѣли открытыя клѣтки, и по комнатамъ летали птички.

Никакія удовольствія не отвлекали Льва Ал. отъ умственныхъ занятій, онъ не могъ обходиться безъ нихъ ни одного дня; это была его органическая потребность. Левъ Ал. зорко присматривался къ народному быту, стараясь разгадать его характеръ, нужды и обычаи. Разговаривалъ съ крестьянами, заходилъ въ ихъ избы, записывалъ пѣсни и повѣрья. Въ Бурцовѣ онъ много занимался польскимъ языкомъ и изучалъ его поэтовъ, пользуясь сосѣдствомъ польскаго семейства и хорошей польской библіотекой. Въ деревнѣ Л. Ал. отдохнулъ и окрѣпъ, а когда пріѣхалъ въ Москву, онъ энергично принялся за свою новую должность инспектора.

Глава IX.

2-ая Московская гимназія; отъѣздъ и петербургская жизнь.

Всѣхъ гимназистовъ было 300. Изъ числа ихъ только 60 пансіонеровъ, всѣ остальные—приходящіе. Посѣщая всѣ классы и проводя цѣлые дни въ гимназіи, Л. Ал. скоро ознакомился со своими воспитанниками, а такъ же и съ учителями, и началъ вводить новые порядки, основанные на справедливости и гуманности: онъ заботился о хорошемъ содержаніи пансіонеровъ; требовалъ отъ гувернеровъ ласковаго обращенія съ гимназистами; поддерживалъ даровитыхъ, но бѣдныхъ мальчиковъ, когда замѣчалъ, что ихъ стараются затирать; бралъ къ себѣ воспитанниковъ старшаго класса, которые не ѣздили домой: кормилъ ихъ обѣдомъ, читалъ съ ними, игралъ въ шахматы, бралъ съ собою гулять. Гимназисты обожали его, нѣкоторые учителя почувствовали къ нему дружбу и уваженіе, но была и недовольная партія. Левъ Ал. снова сдѣлался сотрудникомъ „Москвитянина“, часто видался съ Погодинымъ, Вельтманами, графомъ и графиней Ростопчиными и провелъ часть каникулярнаго времени въ ихъ знаменитомъ подъ-московномъ имѣніи: въ с. Вороновѣ. Но Льву Ал. не суждено было долго оставаться инспекторомъ 2-ой Московской гимназіи: не прошло и года, какъ жена его серьезно заболѣла, доктора предписали теплый климатъ, и въ концѣ поста 1853 года Левъ Ал. съ женою уѣхалъ въ Петербургъ хлопотать о переводѣ его на Югъ. Онъ думалъ скоровер-

нутъся, чтобы присутствовать при экзаменахъ выпускныхъ гимназистовъ, но дѣла задержали его въ Петербургѣ, и Левъ Ал. уже никогда больше не возвращался въ Москву.

Въ это время министромъ народнаго просвѣщенія былъ Абр. Сер. Норовъ, Левъ Ал. былъ съ нимъ коротко знакомъ. Министръ назначилъ его инспекторомъ Одесскаго Лицея. Л. Ал. четыре мѣсяца уже считался тамъ на службѣ. Вся его мѣбель въ Москвѣ была продана, а остальные вещи отправлены въ Одессу, но прежде чѣмъ онъ собрался туда уѣхать, началась Крымская война. Всѣ казенныя заведенія были переведены въ болѣе безопасныя мѣста, а воспитанники распущены по домамъ; ѣхать было некуда, и Л. Ал. остался въ Петербургѣ—навсегда. Онъ причислился къ Археографической Комиссіи и всецѣло отдался литературѣ. Первое время ему трудно было жить въ Петербургѣ, но его поддержалъ дядя—Петръ Ивановичъ Мей, который былъ въ это время главноначальствующій всего Воспитательнаго Дома.

Скоро имя Л. Ал. Мея стало самымъ популярнымъ: стихи ¹⁾ и проза его появлялись вездѣ — въ толстыхъ журналахъ и въ мелкихъ современныхъ изданіяхъ. Всѣ редакторы, на расхватъ, желали имѣть его своимъ сотрудникомъ, и публика съ увлеченіемъ читала все, что онъ писалъ. Левъ Ал. сдѣлался моднымъ поэтомъ. Въ то время въ Петербургѣ были въ обычаѣ литературно-художественныя вечера, Л. Ал. получалъ безпрестанныя приглашенія и вездѣ былъ любимымъ гостемъ. Въ домѣ графа Ѳедора Петровича Толстого, бывшаго тогда вице-президентомъ Академіи Художествъ, Л. Ал. встрѣчался почти со всѣми тогдашними художниками и познакомился съ извѣстнымъ тогда архитекторомъ Андреемъ Ивановичемъ Штакеншнейдеромъ.

¹⁾ Стихотвореніе: „Ты печальна, ты тоскуешь“ положено на музыку гр. Гр. Ал. Куселевымъ-Безбородко. Оно написано невѣстѣ двоюроднаго брата Л. Ал. единственнаго сына Петра Ив. Петровича Мея. Онъ женился на княжнѣ Варварѣ Александровнѣ Кропоткиной. Это родовачальники всѣхъ теперешнихъ Меевъ, такъ какъ ни у Льва Ал., ни у брата его Вячеслава Ал. не было дѣтей.

Стихотвореніе: „Знаешь ли, Юленька“ написано двоюродной сестрѣ Л. Ал. Юліи Ив. Мей, она была замужемъ за Ник. Ив. Липинымъ, впоследствии это былъ извѣстный генералъ путей сообщенія.

А стихотвореніе: „Любъ“ написано ихъ дочери Любви Николаевнѣ Липиной, теперешней Масловой.

Г л а в а X.

Штакеншнейдеръ.

Окончивъ постройку своего дома, на Бол.-Милліонной улицѣ, Андрей Ивановичъ пожелалъ показать его Петербургу. Чтобы попасть въ число приглашенныхъ, слѣдовало быть, ежели не совсѣмъ знаменитостью, то по крайней мѣрѣ носить извѣстное имя. Въ назначенный день у Штакеншнейдеровъ собирались: почти вся Академія Художествъ, начиная съ Бруни, Айвазовскаго и пр.; литераторы, финансисты, чиновники-звѣздоносцы и многіе другіе. Сперва, всѣ эти знаменитости безцѣльно бродили по длинному ряду красивыхъ комнатъ, недоумѣвая, зачѣмъ ихъ позвали, и что они должны были дѣлать? Они толпились въ красной Помпейской гостиной, въ зимнемъ саду, гдѣ запахъ цвѣтовъ смѣшивался со свѣжестью фонтана, а въ полу-свѣтѣ, искусно разставленныя мраморныя изваянія драпировались густою зеленью экзотическихъ растеній. Самъ хозяинъ, исключительно занятый артистическимъ освѣщеніемъ своего дома, не зналъ и половины своихъ гостей даже по имени, ихъ принимали жена его и дочь. Но скоро у Штакеншнейдеровъ сдѣлалось веселѣй: начали танцовать, появилось множество хорошенькихъ женщинъ; затѣялись домашніе спектакли изъ того же общества. Въ домѣ Штакеншнейдера былъ хорошо устроенный театръ, въ партерѣ его помѣщалось до трехъ сотъ человѣкъ и болѣе. Моллеръ былъ режиссеромъ и главнымъ распорядителемъ. Сперва онъ служилъ въ артиллеріи, но изъ страсти къ театру бросилъ службу и сдѣлался провинціальнымъ актеромъ. Потомъ пріѣхалъ въ Петербургъ, пристроился къ литературѣ и являлся вездѣ, гдѣ только былъ театръ. Художники наполняли альбомы Штакеншнейдеровъ прелестными рисунками; поэты начали читать свои стихи. Въ одинъ изъ такихъ вечеровъ, при многочисленномъ собраніи, Левъ Ал. прочелъ въ первый разъ свою поэму „Цвѣты“. Она произвела потрясающее впечатлѣніе. И долго въ толпѣ повторялось: *„И падаютъ и падаютъ цвѣты“*.

Домъ Льва Ал. все больше и больше наполнялся литераторами. Они толпились у него съ утра до ночи и мѣшали ему работать. Л. Ал. рѣшился назначить день, или вѣриѣе пріемный вечеръ. Въ то время у него бывали Н. В. Гербель, Н. Ѳ. Щербина, Я. П. Полонскій, М. И. Михайловъ, А. Ѳ. Писемскій, А. А. Потѣхинъ, еще въ мундирѣ ополченца, В. и Н. Ст. Курочкины, Г. П. Данилевскій, А. Н. Пыпинъ, Н. А. Сѣверцевъ, С. В. Максимовъ, Чернышевскій и многіе другіе. Въ это же время Л. Ал. познако-

мился съ графомъ Григоріемъ Александровичемъ Кушелевымъ-Безбородко и скоро дружески съ нимъ сошелся.

Г л а в а XI.

Гр. Г. А. Кушелевъ-Безбородко.

Гр. Григорій Александровичъ воспитывался въ Царскосельскомъ лицѣѣ, такъ же, какъ и Левъ Ал., но былъ гораздо его моложе. Отъ природы онъ былъ уменъ, талантливъ, добръ и деликатенъ. Но слабохарактерный, довѣрчивый, самолюбивый, вовсе не зная практической жизни, графъ поддавался постороннимъ вліяніямъ. Растративъ здоровье съ ранней молодости, онъ страдалъ ужасною нервною болѣзью. Судьба свела его съ женщиной, имѣвшей на жизнь его роковое вліяніе. Говоря о гр. Кушелевѣ, нельзя не говорить объ Любови Ивановнѣ Кроль. Отецъ ея былъ путейскій генераль, времянь гр. Клейнмихеля. Въ первый разъ Любовь Ив. была замужемъ за гвардейскимъ офицеромъ Пенхержевскимъ. Послѣ его смерти она вышла за Голубцова и въ третій разъ за гр. Григ. Ал. Кушелева. Старшій братъ Любови Ив., Николай Ивановичъ Кроль, былъ безспорно умный, хитрый и хорошо образованный человѣкъ. Такъ же какъ и сестра его, онъ имѣлъ большое вліяніе на графа. Чтобы занять умственную дѣятельность гр. Кушелева, Н. Ив. Кроль втянулъ его въ литературу. Это легко было сдѣлать, потому что гр. Кушелевъ самъ имѣлъ склонность къ литературѣ и кой-что пописывалъ. Отъ него остались нѣсколько хорошенькихъ рассказовъ, они напечатаны подъ псевдонимомъ: Грицко-Григоренко. Мысль издавать толстый журналъ понравилась графу, и онъ окружилъ себя литераторами.

Въ 1857 г. Левъ Алек. и Софья Григорьевна прожили все лѣто у гр. Кушелева, въ подь-московномъ имѣніи Кораловѣ. Между прочими удовольствіями тамъ устраивались домашніе спектакли, и такъ же какъ у Штакеншнейдера, распорядителями ихъ явился Моллеръ. И только въ Кораловѣ Левъ Ал. имѣлъ удовольствіе видѣть, въ первый и въ послѣдній разъ, свою „Сервилію“ на сценѣ.

Въ концѣ августа гр. Кушелевъ съ большой свитой знакомыхъ, родныхъ Любови Ив., домашняго доктора, оркестра музыкантовъ, подъ управленіемъ извѣстнаго музыканта Минкуса, изъ Коралова пріѣхалъ прямо въ Полюстрово, гдѣ начались разнаго рода праздники. Ежедневно къ обѣду пріѣзжали гости изъ Петербурга: собиралось много бывшихъ лицейстовъ и правовѣдовъ, военныхъ, изъ числа ихъ чаще другихъ пріѣзжалъ гр. Гр. Ал.

Милорадовичъ, онъ былъ друженъ съ графомъ Кушелевымъ. Бывали французы изъ посольства, литераторы, художники, музыканты. Изъ числа ихъ очень часто бывалъ извѣстный піанистъ Антонъ Конскій, пѣвица Д. М. Леонова, итальянцы и многіе другіе. Каждый вечеръ приходили музыканты, являлся Минкусъ съ дирижерской палочкой, и гр. Кушелевъ, въ первой парѣ, открывалъ балъ. Онъ очень любилъ танцовать. Въ саду часто пускали фейерверки. Всѣ пріѣхавшіе изъ Коралова гости размѣстились по маленькимъ домикамъ, въ собственномъ саду графа, въ томъ числѣ и Л. Ал. съ семействомъ. Въ тотъ годъ до самаго Ивана-Купала было холодно и дождливо, но потомъ, до глубокой осени, погода стояла великолѣпная. Въ концѣ сентября 1857 года графъ и графиня Кушелевы, а вмѣстѣ съ ними и Н. И. Кроль съ семействомъ уѣхали за границу, но Л. Ал. еще долго оставался въ Полюстровѣ, а оттуда переѣхалъ на Николаевскую улицу, въ домъ Альштрема. Въ этомъ домѣ у Меевъ бывало очень весело и многолюдно. Кромѣ уже упомянутыхъ литераторовъ бывали: А. Н. Майковъ, И. А. Гончаровъ, И. С. Тургеневъ, А. Н. Дружининъ, А. А. Григорьевъ, М. И. Семевскій, В. В. Крестовскій, К. К. Случевскій, Ѡ. Н. Бергъ, Д. Д. Минаевъ, Снѣткинъ, Каляновскій, издатель „Свѣточа“, и многіе другіе. Изъ музыкантовъ бывали чаще другихъ: Вильбоа, М. А. Балакиревъ, Нильсонъ, Губертъ, впоследствии директоръ Московской консерваторіи и другіе.

Проживъ всю зиму въ Парижѣ, лѣтомъ Кушелевы опять пріѣхали въ Полюстрово и привезли съ собой Александра Дюма-отца, онъ оставался у гр. Кушелева все лѣто. Туда же пріѣхалъ, знаменитый въ то время, медиумъ Юмъ. Даже Юлія Пострано пріѣзжала въ Полюстрово показываться. Юмъ женился на младшей сестрѣ гр. Кушелевой, на Алекс. Ив. Кроль, но она года черезъ два умерла.

Прежде чѣмъ вышла первая книга „Русскаго Слова“, журнала, издаваемого гр. Кушелевымъ, перемѣнилось нѣсколько редакторовъ. Первый изъ нихъ былъ Моллеръ, но онъ очень скоро куда-то исчезъ. Его замѣнилъ Як. Пет. Полонскій, онъ ѣздилъ съ Кушелевыми въ Парижъ, но по возвращеніи оттуда тоже кѣмъ-то замѣнился. Левъ Ал. Мей никогда не былъ редакторомъ „Русскаго Слова“, онъ былъ только его сотрудникомъ и пріятелемъ гр. Кушелева. Изъ всѣхъ окружавшихъ и посѣщавшихъ гр. Григорія Александровича онъ больше всѣхъ любилъ Льва Александровича и дѣлалъ для него все, что отъ него зависѣло. Не менѣе графа любилъ Л. Ал. Ник. Ив. Кроль. Онъ увлекался поэзіей и самъ

писалъ очень недурные стихи. Кроль чувствовалъ ко Льву Ал. глубокое уваженіе за его поэтической талантъ, многостороннее образованіе, доброту и самобытный характеръ. Вообще всѣ, кто хорошо зналъ Л. Ал., всѣ его любили. Остроумный и пріятный собесѣдникъ, онъ былъ, какъ говорится, душою общества; Л. Ал. не отказывался ни отъ какихъ удовольствій: игралъ въ шахматы, въ шашки, въ карты, въ кегли, на билліардѣ, во что угодно; читалъ стихи, говорилъ экспромты, разгадывалъ шарады; стрѣлялъ въ цѣль, дрался на рапирахъ и дѣлалъ все это такъ беззаботно и весело—какъ дитя, каждый школьникъ могъ считать его своимъ товарищемъ. Но тутъ же передъ нимъ носились поэтическіе образы, и слагались его звучные стихи. Л. Ал. никогда почти самъ не писалъ, но всегда диктовалъ кому-нибудь, и въ то же время разговаривалъ и шутилъ съ окружающими. Онъ какъ-то разомъ жилъ двойною жизнью. Несмотря на любовь къ обществу и развлеченіямъ, Л. Ал. Мей постоянно былъ занятъ умственной работой. Онъ хорошо зналъ древніе языки и множество новыхъ. Поэтъ въ полномъ значеніи слова, онъ былъ въ то же время серьезный труженикъ науки; глубокий христіанинъ и мистикъ; принимая близко къ сердцу всякое чужое горе, Л. Ал. всегда былъ готовъ на помощь каждому, кто въ немъ нуждался. Снисходительный къ другимъ, онъ былъ строгъ къ самому себѣ; до крайности простой въ обращеніи, онъ никого не стѣснялъ; не вмѣшивался въ чужія дѣла; не выпытывалъ чужихъ убѣжденій, но рѣдко высказывалъ и свои. Общительный въ удовольствіяхъ, Л. Ал. былъ скрываетель и замкнутъ во всемъ серьезномъ. Когда онъ задумывалъ что-нибудь писать, то прежде готовился къ своей работѣ, тщательно изучая все, что къ ней относилось; и тогда только читалъ кому-нибудь написанное, когда его работа была уже совершенно закончена: заранѣе онъ не любилъ говорить о томъ, что писалъ.

Его упрекаютъ въ страсти къ вину, онъ не такъ любилъ вино, какъ любилъ товарищество, оставаясь лицеистомъ на всю жизнь. А въ послѣдніе два года онъ вовсе не пилъ вина. Л. Ал. всегда старался казаться сильнѣе, чѣмъ онъ былъ на самомъ дѣлѣ. Еще въ дѣтствѣ онъ такъ страдалъ и стыдился своего малосилія, что впечатлѣніе этого стыда сохранилось у него навсегда. Враговъ онъ не признавалъ, лично у него ихъ не было, но были люди, которые ему не нравились, и онъ избѣгалъ съ ними всякихъ сношеній. Тѣхъ же, съ кѣмъ онъ сходилъ въ жизни и кто бывалъ въ его домѣ, Мей считалъ своими друзьями. И этимъ-то многочисленнымъ друзьямъ онъ отдавалъ все, что имѣлъ: свое время, трудъ и послѣднія деньги. А между тѣмъ, онъ относился къ нимъ какъ-то

безразлично. Ко всѣмъ радушный и ласковый Левъ Ал. рѣдко выдѣлялъ кого-нибудь изъ окружавшей его толпы. Но истинныя его привязанности родства и дружбы глубоко хранились въ тайникахъ его сердца и вырвать ихъ оттуда могла лишь одна смерть.

На сколько уважали Л. Ал. Мея современники, видно уже изъ того, что въ его домѣ бывали, за малымъ исключеніемъ, почти всѣ тогдашніе литераторы, многіе музыканты, артисты и художники. Всѣ они приходили съ нимъ посоветоваться и узнать его мнѣніе. Когда Микѣшину было поручено сооруженіе въ Новгородѣ памятника на тысячелѣтіе Россіи, онъ очень часто пріѣзжалъ ко Льву Ал. за различными совѣтами; такъ же часто бывалъ одно время В. В. Самойловъ: ему очень хотѣлось, чтобы „Псковитянка“ была поставлена на сцену, но въ то время это было невозможно. Кто-то называетъ Мея поэтомъ чердаковъ? Большой надо было имѣть чердакъ, чтобы помѣстить всѣхъ его посѣтителей. Да и едва-ли эти господа стали бы лазать по чердакамъ. Л. Ал. никогда не жилъ на чердакахъ, жизненная его обстановка была всегда прилична, а хорошей вкусъ его жены дѣлалъ ее приятною. „У васъ хорошей климатъ“, говорилъ Сѣверцевъ. Вотъ этотъ-то хорошей климатъ и привлекалъ къ нимъ всѣхъ. Въ ихъ небольшой, уютной гостиной бывало шумно и весело. Тамъ пѣли, играли на роялѣ, читали стихи и прозу, И. Ѳ. Горбуновъ и многіе изъ посѣтителей рассказывали,—тогда это было въ модѣ. Каждый чувствовалъ себя на своемъ мѣстѣ, какъ-бы въ родной семьѣ. Но ни политическихъ, ни религіозныхъ вопросовъ Л. Ал. не любилъ, у него бывали только литературно-артистическіе вечера.

Въ 1857 году вышло первое изданіе стихотвореній Л. Ал. Мея ¹⁾. Это былъ одинъ томикъ маленькаго формата. Поэтому можно судить наглядно, сколько онъ работалъ въ послѣдніи пять лѣтъ его жизни. Въ этомъ изданіи помѣщены два маленькія стихотворенія, пропущенныя въ другихъ его изданіяхъ:

1) Ты—коса ли моя дѣвичья,
Ты—коса ль моя трубчатая,
Не на радость ты мнѣ, дѣвицъ,
Не въ утѣху доставалася!

2) Снаряжай скорѣй, матушка
родимая,
Подъ вѣнецъ свое дитяtko лю-
бимое.
Я гнѣвить тебя нынче зарека-
лася—
Отъ сердечнаго друга отказалася...

¹⁾ С.-Петербургъ, 1857 г. Изданіе придворнаго книгопродавца А. Смирдина (сына) и Комп. ст. 211 и 219.

„Что тебѣ ли, русой косынькѣ
 Люди добрые завидуютъ
 За тебя ли, косу русую,
 Извели меня, младешеньку,
 Опоили горемычную
 Зельемъ—лютою отравою...
 Охъ, не зельемъ извели меня,
 Опоили не отравою,
 А извелъ меня соколій глазъ,
 Опоила рѣчь медовая“.

„Расплетай же мнѣ косыньку
 шелковую,
 Уложи меня на кровать тесовую,
 Пелену набрось мнѣ на груди
 бѣлыя
 И скрести подъ ней руки по-
 мертвѣлыя,
 Въ головахъ зажги свѣчи воску
 ярова
 И зови ко мнѣ жениха-то ста-
 рова:
 Пусть войдетъ старикъ — смот-
 рить, да дивуется—
 На красу ль мою дѣвичью лю-
 буется“.

А. Г. Полянская.

(Продолженіе слѣдуетъ).

